

Император Ноабской империи, сиятельный Аль Йериго, за семьдесят четыре года жизни сумел собрать в своём гареме восемь тысяч двести сорок четыре наложницы, но если подсчитать всех женщин, проживающих в его гареме, число их будет выше в несколько раз. Дело в том, что с каждым годом, с момента восшествия на престол, количество наложниц увеличивалось в геометрической прогрессии.

Возраст их сильно разнился – в гареме жили как древние старухи, так и совсем ещё юные девицы. Конечно, Аль Йериго в свои семьдесят с лишним ублажать женщин затруднительно, но такова уж привилегия царственных особ и высшей аристократии – согревать свою постель юными телами.

Территория гарема, располагающаяся позади императорского дворца, насчитывает около сотни крупных построек – именно там проживают его многочисленные женщины. Мужчинам, кроме самого Аль Йериго, вход туда строжайше воспрещён. Даже сыновьям императора после наступления определённого возраста путь туда заказан.

Только сам император может гулять по ночному гарему...

На роскошной кровати, на мягких подушках возлежала чувственная женщина. Она была одета в прозрачный пеньюар, а избранная ею поза свалила бы с ног кого угодно. Все сокровенные места прикрывали дополнительные складки материи, и разглядеть что-либо сквозь них было затруднительно, однако нижняя часть бёдер, верхняя часть груди и пупок были откровенно обнажены.

Возраст её трудно было определить на глаз, поскольку недостатки скрывали умело нанесённая косметика и драгоценности.

Вот точёная рука женщины грациозно потянулась к золотому подносу и сорвала с находившейся на нём грозди винограда одну ягоду. Положив её меж алых губ, она игриво перекачивала виноградину языком из стороны в сторону.

Тут за тонкой фиолетовой занавесью, окружавшей кровать, появилась чья-то тень.

В столь позднее время даже личной служанке здесь было не место. Однако, по всей видимости, женщина хорошо знала вошедшего, поскольку совершенно не испугалась и даже сделала приглашающий жест.

«Почему так поздно?»

Несмотря на то, что ни одному мужчине, кроме императора, в гарем входить не позволялось, раздавшийся из-за занавески голос был явно мужской.

«Простите, матушка. Мне пришлось ожидать, пока его величество не удалится в свои покои. Надеюсь, увидев принесённую мной панацею, призванную облегчить ваше состояние, вы смените гнев на милость.»

Фиолетовый занавес раздвинулся, и перед женщиной предстал коленопреклонённый, почтительно склонивший голову священнослужитель. Впрочем, это был не простой священник, а сам архиепископ – высшее лицо храма Амека.

На голове его красовался тридцатисантиметровый остроконечный колпак, а одет он был в мантию с оранжевой лентой от плеча до самого пола, по которым сразу определяешь одного из высших священников. Руки его почтительно протягивали изящный флакон.

Глаза той, которую называли матушкой, засияли как звёзды, она приняла флакон своими тонкими пальцами, вытащила пробку, поднесла к ноздрям и с наслаждением вдохнула аромат.

«Ммм...»

Мигрень с каждым днём одолевала её всё сильнее, отчего она стала раздражительной и дёрганой. Но стоило лишь вдохнуть этот аромат, как боль немедленно отпустила её, а тело стало расслабленным и невесомым.

«Спасибо вам, архиепископ. Уж не знаю, что бы я делала с этой болью без храмовой панацеи... Хо-хо-хо! Всего один вдох – а дурного настроения как не бывало! Интересно, из чего вы её синтезируете?»

«От матушки у нас нет секретов. Для панацеи мы берём самую чистую родниковую воду из северного храма, а основным её компонентом является мускус оленя, обитающего в дальних странах. Но самое главное – это благословение одного из высших священников. Чтобы изготовить лекарство для матушки, обряд проводил лично я.»

«О, так вот оно что? Панацея обладает таким чудодейственным эффектом благодаря божественным умениям архиепископа! А те дети, должно быть...» – с затуманенным взором она указала на двух симпатичных девчушек, стоявших на коленях за спиной архиепископа.

Когда священник ободряюще им подмигнул и улыбнулся, они вежливо поклонились, залезли на широкую кровать и приступили к массажу. Прикосновения рук были нежными и приятными, словно девочки получили профессиональное образование массажисток, и заставляли отступить скопившееся в мышцах напряжение.

Пальцы словно щупальца головоногих моллюсков плавно скользили по белоснежной коже, не пропуская ни единую мышцу, пробирая до самых костей.

С улыбкой на устах, женщина вновь открыла пробку и вдохнула аромат из флакона, после чего рассмеялась, словно от щекотки, и, протянув изящную руку, коснулась груди одной из девиц.

Когда рука проникла под ленту, охватывавшую грудь девочки, под ней обнаружились вовсе не девичьи выпуклости, которые должны были уже сформироваться в её возрасте, а твёрдая и хорошо развитая мальчишеская грудь. Другую руку женщина положила на промежность второй массажистки и тоже кое-что нащупала. Как она и думала, перед ней были вовсе не девочки, а симпатичные юноши, обряженные в женские одежды.

«Ах, как здорово! Да-да, вот так. Теперь сдвинь-ка немного руку. Да, ещё чуть-чуть... Аа-х! Не подашь ли мне пару бусинок винограда?»

Один из юношей сорвал губами с грозди несколько ягод и поднёс к губам женщины.

Их языки сплелись.

Томные взоры, жаркие прикосновения. Два юноши и одна красивая женщина.

Когда занавес сдвинулся вновь, скрыв от глаз пьяную от аромата и удовольствия, издававшую громкие стоны женщину, архиепископ слабо улыбнулся, поднялся с колен и направился к выходу.

Теперь ей не вырваться. Пристрастившись к афродизиaku и запретной любви, она станет

марионеткой в его руках.

Эта женщина была второй императрицей империи Ноаб, что пользовалась особой любовью императора Аль Йериго, и являлась биологической матерью принцессы Исирис, выданной замуж за правителя Джорана. Теперь она окончательно увязла в паутине, сплетённой архиепископом. Увязла до такой степени, что до самой смерти не сможет из неё выпутаться...

«Каков молодец! Так, теперь иди сюда. Да-да, вот сюда... Хо-хо-хо! О, нет, дитя, здесь надо быть нежнее.»

«Вот так, матушка?»

Даже после того, как архиепископ покинул спальню второй императрицы, его чуткие уши продолжали слышать томные стоны. Глаза архиепископа удовлетворённо сверкнули, а губы расплылись в коварной усмешке...

Император единственный, кто может наслаждаться прогулками по саду, окружавшему гарем, ни один мужчина, кроме него, не имеет права здесь находиться, однако архиепископ шагал по нему так, словно был здесь хозяином. Со стороны казалось, будто он гуляет под рассеянным светом луны в полном одиночестве, но на самом деле, его тайно сопровождал Карим.

«Говорят, Хейо сошёл с ума?»

«Он погубил немало воинов и священников. Мои сыны тоже пострадали. Он требовал, чтоб мы прекратили скрывать от него Аль Джаиса, и как умалишённый размахивал во все стороны клинком.»

«Так почему вы его не остановили? Из-за вашей халатности погибли священники!»

Но строгий тон архиепископа не заставил Карима стушеваться.

«Вы меня упрекаете? Не вы ли, архиепископ, строжайше запретили убивать Хейо? Я смогу остановить его меч, только если подойду к делу со всей серьёзностью. Если же атакую без намерения убить, погибну сам», – прокаркал словно ворон воитель.

«Я не упрекаю, но отлично вижу последствия. Если о гибели священников станет известно, мои позиции в храме серьёзно пошатнутся. А когда наивные храмовые старейшины узнают о наших сомнительных делишках... В общем, если мы потерпим неудачу, то вашему племени, Карим, тоже не будет места в Ноабе. Это будет наш общий крах. Вы же понимаете, о чём я?»

После язвительной речи архиепископа Карим умолк, словно воды в рот набрал.

Подлый архиепископ уколол в самое больное место. Если слабости второй императрицы – это наркотическая зависимость и страсть к молоденьким юношам, то слабость Карима, позволяющая держать его в узде – это его сородичи. Карим не мог допустить, чтобы благополучие его живущего в тених племени оказалось под угрозой. На какие бы жертвы ради этого ни пришлось пойти.

Тут сердитые складки на лице архиепископа снова разгладились. Одним лишь кнутом человека в повиновении не удержишь, иногда нужно показать ему и сладкую морковь.

«Ладно, возможно я слишком сгущаю краски. Да и что может пойти не так? Вскоре всех моих противников, одного за другим, мы сбросим в тёмные недра усыпальницы и построим новый

мир. Мир, в котором я займу место регента, а ваше племя обретёт достойное место под солнцем.»

Увидев, как вынужденно кивнул Карим, архиепископ чуть было не расплылся в довольной улыбке.

Неважно кто находился перед ним – Карим, вторая императрица или Хейо – все они увязли в его паутине и пляшут под его дудку. Как бы ни были они сильны, каким бы влиянием ни обладали, им ни за что не вырваться из цепких пальцев архиепископа.

Вот она – настоящая сила политики!

И архиепископ с Каримом продолжили прогулку по саду, в котором имел право гулять лишь император, и над их головами сияла бледная луна.

Под той же луной, что и архиепископ, и в то же самое время Йехинатал с Широном взбирались на бархан.

Сидя на двух верблюдах, они шли через пески по направлению к Джорану. Йехинатал всё время смеялся и то и дело прикладывался к бутылке. За его спиной, привязанный к верблюду верёвкой, чтобы случайно не свалился от тряски, лежал безумный Фахад, из раскрытого рта которого стекала струйка слюны.

На спине второго верблюда, на котором восседал Широн, покачивался объёмистый чёрный вьюк.

Покинув храм Бартенкиума, учитель и его ученик поспешили убраться как можно дальше от столицы. Поскольку в пылу сражений они потеряли все свои деньги, пришлось прокрасться на постоянный двор, располагавшийся под стенами Меккана и похитить двух верблюдов, после чего герои направились к Джорану.

Из-за того, что трупный яд обратил в прах одежду Широ́на, ему стало нечем прикрыться от палящего зноя, а одежды Йехинатала были насквозь пропитаны гноем, кровью и ошмётками плоти.

Поэтому пришлось не только позаимствовать верблюдов, но и пробраться в гостевые комнаты и умыкнуть чью-то одежду. И, раз уж на то дело пошло, заодно прихватить в нагрузку из гостиничной кухни вяленое мясо и несколько бутылок крепкого алкоголя.

Сам Йехинатал, конечно, всего лишь стоял на стрёме, переложив всю грязную работу на ученика. Ведь если его поймают на воровстве, то репутация «светоча науки» и «самого эрудированного некроманта» будет непоправимо уничтожена.

Однако на том, чтобы ученик стащил поесть и выпить, настоял именно он, поскольку был голоден как зверь.

Видимо, встав утром с постели, купцы будут в шоке, узнав, что лишились не только двух комплектов одежды, но и пары верблюдов. Что ж, не повезло ребятам.

Взглянув на хохочущего Йехинатала, продолжавшего прихлёбывать из бутылки, Широн надул губы.

«И чему вы так радуетесь? Сами ведь учили, что воровство – занятие постыдное, и вдруг

заставляете меня...» – с недовольным видом начал Широн.

В ответ Йехинатал бросил ему бутыль: «На, тоже хлебни. А почему мне не радоваться? Ведь я только что выбрался из темницы, чудом выжил в чёртовом храме Бартенкиума, и теперь преспокойно возвращаюсь домой! Сам-то чего киснешь? Ты ведь заполучил яд, который так желал, к тому же справился с поставленной задачей – отыскал Фахада и везёшь его домой. Кроме того, Тия умрёт, когда увидит, каким ты стал красавчиком! А может, и зацелует до смерти, хе-хе-хе!»

Выслушав его речь, Широн не сдержался и тоже хмыкнул. На самом деле, он рад был не меньше учителя, но некоторые моменты не давали ему покоя.

«Так то оно так, однако, мне не удалось отыскать Аль Джаиса, да и Фахад не совсем в здравом рассудке... В общем, тайна до сих пор не разгадана.»

«Ну, эта задача не такая уж неотложная. К тому же, острое чутьё мне подсказывает, что Аль Джаис жив, просто затаился где-то.»

«Вот как?» – удивлённо оглянулся на некроманта Широн.

Йехинатал потёр лоб и пояснил: «Это всего лишь предположения, но... Допустим, что им удалось пленить или даже устранить Аль Джаиса. Стали бы они в таком случае держать нас или Фахада под замком, вместо того, чтобы просто прикончить, без лишних заморочек? Однако же их действия говорят о том, что Фахад был нужен в качестве приманки. А кого ещё можно заманивать в ловушку с помощью сына Аль Джаиса? Это же элементарно! В любом случае, старикан по имени Аль Джаис далеко не так прост. Не зря же он получил прозвище Горный владыка! По сравнению с Фахадом, Аль Мухадом и им подобными он несоизмеримо более грозный противник. Когда пошли слухи, будто владыка был убит рукой младшего брата, я изначально этому не поверил. Аль Джаис не настолько наивен, чтобы умереть от руки Аль Мухада, ведь он сам убил множество братьев на пути к креслу эмира. Однако мне интересно, по какой причине верховный священник храма Амека мог нацелиться на него? Для того чтобы выступить против Горного владыки причина должна быть очень весомой.»

Несмотря на то, что взгляд Йехинатала на мир довольно причудлив, порой он проявлял недюжинный ораторский талант. Восхищённый его красноречием, Широн как заведённый кивал головой.

«Ваа-ау! Как круто, учитель! Я и подумать не мог, что у вас такие замечательные умственные способности!»

«Тьфу! Ах ты, щенок! То есть, до сих пор ты в них сомневался?!»

Так, передавая друг другу бутыль, ученик и его учитель со смехом ехали по пустыне, а в спины им струился рассеянный лунный свет.